

I

— Да, мам, в колледже все отлично. — Камень, который я сжимала в руке, пульсировал светом, поглощая каждое лживое слово. Все мои фразы, пропитанные враньем и услышанные одним осколком адуляра, ментально передавались тем, у кого есть другие кусочки разбитого лунного камня. Моим родителям.

Эта простая, но незаменимая вещичка называется эххо. С его помощью можно связаться даже с тем, кто находится за тысячи километров от тебя. Жаль, что приходится использовать эххо для обмана близких, но иного пути нет.

— Сандра, — голос мамы прозвучал будто внутри моей головы, и я крепче стиснула в пальцах потеплевший камень, — у меня нехорошее предчувствие. Точно нет никаких проблем с учебой, новыми предметами? Может, преподаватели слишком давят на первокурсников?

Чтобы сдержать вздох, полный досады, мне пришлось до боли прикусить губу. Черт! Неужели моя лож настолько отчетливо звенит в голосе, что мама что-то заподозрила?

— Все отлично, — как можно увереннее протянула я, а сама покосилась в сторону улицы. Оттуда в закоу-

лок, где я пряталась от городского шума, пьяной походкой двинулся смердящий алкоголем незнакомец.

Я скривилась от раздражения и прошла мужчину искрящимся злостью взглядом.

— Сейчас вот с девочками пойдем в библиотеку, делать домашку, — спокойно и громко произнесла я.

Мерзкий незнакомец услышал меня, одарил удивленным взглядом и тут же попятился прочь. Похоже, не только я мечтаю хоть каким-то образом найти уединение в этом огромном, жужжащем, как улей, городе.

— А, занимаетесь уроками, — понятиливо прощепетала мама.

Я прикрыла глаза и ярко представила, как она тепло улыбнулась. В груди сразу защемило, а я, ощутив нарастающие тоску и стыд, поспешила сбежать.

6 — Ладно, мам, я пошла. А то девчонки уже зовут. Папе привет!

Немного погодя небольшой камень молочного цвета потух — связь оборвалась. Я тяжело выдохнула, привалилась спиной к кирпичной стене и сползла на землю. Там меня окончательно поглотила тень безлюдного переулка, спрятав в сумеречный кокон, в который даже звуки, казалось, не проникали.

Сколько еще я смогу обманывать родителей?

В лицо ударил жар стыда, щеки и уши запылали. Я тут же стянула тонкую серую шапку, и по плечам рассыпались пересушенные дешевой краской розовые волосы — единственная яркая деталь в моей нынешней жизни.

В колледж, который для меня выбрали родители, я не попала, намеренно прогуляв вступительные экзамены. Однако родным об этом ничего не сказала. Пусть думают, что прилежно учусь. А я пока буду обустривать свою жизнь по-своему. Так, как сама хочу.

В студенческое общежитие меня, само собой, не пустили, и все деньги пришлось потратить на съём захудалой комнатки. С работой тоже не заладилось: достойное место без образования вчерашней школьнице не найти, если только не блещешь выдающимся умом и особыми талантами. У меня ничего из этого списка не имелось. Зато амбиций — хоть отбавляй!

Самоуверенность завела меня в Нью-Сайд — шикарный город, который оправданно называют столицей не только Равена, но и мира. А все потому, что именно здесь находится штаб Единого Сената. Еще про Нью-Сайд частенько говорят, что это город, исполняющий мечты. Только вот мало сюда попасть. Нужно как-то выжить. Особенно если эти самые мечты с треском провалились.

В мыслях снова эхом прозвенел восторженный голос мамы. Она так гордилась, что я «поступила» в один из лучших колледжей страны, «схватила удачу за хвост» и все такое... Но учеба на дипломата пусть и перспективна, но далека от моих мечтаний. Этого для меня хотели родители. Но не я сама.

Я вообще не просила ничего из того, что мне давали в избытке. Уже и не вспомню все кружки, секции и команды, в которых я оказалась по настоянию родных. Такое чувство, что мама и папа не смогли смириться с тем, что их дочь — обычный человек, не способный к магии ни в каких ее проявлениях, а потому решили довести до совершенства любые физические навыки, которые можно развивать.

У меня не было ни секунды свободного времени из-за тренировок, секций и репетиторов. Нескончаемые занятия, подготовки к экзаменам, полировка знаний, контроль каждого шага...

Хватит.

Теперь, вырвавшись из-под удушающей опеки, я всего лишь хочу быть собой.

Ухмыльнувшись этим мыслям, я поднялась с сырой после короткого дождя земли, отряхнула выцветшие джинсы и поправила растрепавшиеся локоны неестественного цвета закатного неба.

Быть собой, значит...

Когда я еще жила с родителями и только строила планы, эти слова звучали куда проще. Понятнее. Я знала, что никогда не прогнусь под чужие указки: не стану поступать в выбранный семьей колледж, не буду удобной и послушной. С предвкушением представляла дни, когда наконец дорвусь до Нью-Сайда и начну новую жизнь. И вот я здесь, в огромном городе, где никому не нужна ни я, ни мои амбиции.

8 Я знаю, чего делать не хочу, но все еще понятия не имею, к чему стремлюсь. К свободе? Вот она, бери! Иди куда хочешь! Делай что хочешь! Только не забывай врать родителям, что ты прилежная студентка-первокурсница и будущий дипломат! Не переживай, ты обязательно расскажешь семье правду, когда добьешься успеха. Смеясь, признаешься, что все это время не пыхтела на унылых парах, а строила карьеру.

«Ага, карьеру, — издевательски пропищал внутренний голос. — Петь на улицах — это не карьера, а жалкая попытка выжить. И, кстати, не особо успешная».

Носок ботинка встретился с бутылкой, что валялась посреди переулка, и та полетела в стену. Стекло со звоном ударилось о камень и разлетелось на осколки, а меня тут же настигла карма в виде брызг с затхлым ароматом спирта. Я поморщилась, в очередной раз проклиная свою импульсивность, выругалась под нос и побрела обратно к проспекту.

Похоже, придется вернуться на съемную квартиру, переодеться. У меня и раньше были проблемы с солдатами, патрулирующими город, а благоухая, как последняя бездомная оборванка, я стану еще бо-

лее привлекательной мишенью для хранителей порядка.

Пока я думала о своем туманном будущем и совершенно бесперспективном настоящем, на мои плечи словно легла многотонная глыба. Это закономерное последствие полного лжи разговора с родителями. Дыхание стало тяжелым, мышцы налились сталью, взгляд поник, а мысли в голове замедлились, будто мухи, увязшие в смоле.

Нехотя перебирая ногами, я плелась к главной улице, двигаясь навстречу огням большого города, шумной толпе и музыке, льющейся из каждой забегаловки. Когда я только приехала, все это казалось ежедневным ярким праздником. Теперь же стало понятно: если это и праздник, то точно не мой.

Этим выводам вторил слабый звон скудного количества монет, которые я выгребла из кармана куртки. Глядя на эту не внушающую доверия горсточку, я поморщилась. Если на метро не хватит — это конец. Конец законопослушной жизни и моей нервной системе. Потому что, даже оставшись на мели, я не сдамся, не поеду в родной город. Просто методы выживания станут другими.

Пока что я не настолько отчаялась, чтобы признать поражение и идти с повинной к родителям. Ни капли не сомневаюсь — они увезут меня тотчас, едва скажу, в каком состоянии и где нахожусь, когда и что в последний раз ела и каким образом на эту самую еду заработала. Слишком правильные, даже щепетильные, родственники ни на секунду не оставят меня в таком положении.

Только вот для меня это будет означать полный проигрыш — свидетельство, что я ни на что не способна сама. Единственное, что мне останется, — следовать указаниям и быть такой, какой меня всегда надеялись видеть. Правильной. Послушной. Удобной.

Меня передернуло, а кожу лизнула нервная дрожь. Ну уж нет! Всю жизнь я делала то, что от меня ждали. Не понравилось. Больше не хочу. И не буду!

Я мотнула головой, прогоняя дурноту и наважде-ние мрачных мыслей. Снова опустила глаза к горстке монет и принялась трепетно перебирать свои послед-ние гроши, отсчитывая сумму на дорогу до дома. Едва я вывернула на проспект, монетки заблестели, отражая неоновый свет, но я даже подумать об этом не успела, когда кто-то с силой в меня врезался.

В глазах потемнело, я шумно втянула носом воздух и заметно покачнулась. Последние сбережения, сверкнув на прощание серебристыми гранями, со звоном посыпались на асфальт. Меня затрясло от гнева, сердце сжалось от обиды и разочарования.

10 — Смотри, куда прешь! — Я метнула яростный взгляд на обидчика, но тут же прикусила язык. Из-под плаща мужчины, что суетливо пытался меня обойти и нырнуть в новый поток людей, угрожающе сверкнул металл.

Я оторопело отшатнулась и тут же налетела спиной на очередного прохожего. Незнакомец от души обру-гал мою неуклюжесть, но едкие слова донеслись словно сквозь туман. Люди продолжали обходить меня, подоб-но воде, обтекающей камень. Они неслись куда-то, не обращая внимания ни на испуганную девушку, ни на незнакомца, который прятался с оружием в огромной толпе шумного проспекта.

Мужчина в мою сторону даже не смотрел. Он про-талкивался сквозь народ, снова переходя на бег, пока я глупо глядела ему вслед.

Однако ступор рассеялся, когда неестественно мощный поток воздуха незримой свистящей стрелой пронесся прямо возле меня. Я невольно отшатнулась. Взгляд метнулся в сторону, куда была направлена чу-

жая атака. В глубине души я знала, кто будет целью, но все равно тихо охнула, когда незримые путы сковали человека, который еще несколько секунд назад едва не сбил меня с ног.

Когда незнакомец потерял равновесие и повалился на землю, из-под его плаща с металлическим лязгом выпал меч. Клинок звонко клацнул о землю и со скрежетом проехал пару метров по асфальту.

Интересно, мне одной лязг металла показался оглушительным? Слово всего остального мир умолк, слушая стоны тонкого, блестящего серебром лезвия, которое оказалось почти у моих ног.

Наблюдавшая за развернувшейся сценой толпа вокруг на секунду стихла. Осознание приходило медленно. Я тоже застыла как вкопанная, не зная, что делать. Но даже тогда, когда люди вокруг с криками, в полной суматохе бросились прочь, я так и не посмела шеломнуться. Стояла и глядела на клинок, поблескивающий в неоновых огнях.

Кто-то больно наступил мне на ногу и пихнул локтем под ребра. Жгучие неприятные ощущения мгновенно привели меня в чувство. Сбросив морозное оцепенение, я побежала.

Попыталась пробраться сквозь толпу, стать частью единого обезумевшего потока, но тот настырно пытался меня выплюнуть. Люди вокруг словно озверели и были готовы растоптать друг друга, лишь бы поскорее унести ноги из эпицентра зарождающейся потасовки. В такой круговерти мне не удалось и метра пройти.

Я не удержала равновесие, когда кто-то с силой меня пихнул. Всплеснув руками, я неуклюже рухнула на землю посреди опустевшего пяточка улицы. Из глаз посыпались искры, тупая боль разлилась по плечу и спине. Из горла вырвался не то стон, не то хрип, и я на несколько секунд скрючилась на асфальте. Лишь услышав

звук быстро приближающихся шагов, я распахнула веки и чуть не вскрикнула от нарастающей тревоги. Прямо на меня темным ураганом несся абсолютно незнакомый черноволосый парень, с каждым мгновением неминуемо становясь все ближе.

Рука сама потянулась в сторону, пальцы быстро нашарили на земле холодную рукоять. Я крепко стиснула меч и, ощутив, как по коже вдруг будто пробежали ряды молний, вскинула клинок перед собой.

Однако парень, на которого было направлено острие, на меня нападать и не думал. Брюнет меня вообще, похоже, не замечал. Его стальной взгляд оставался прикован к мужчине, который корчился на земле, разрывая невидимые пути.

— Ну уж нет, — сквозь зубы процедил парень, и я заметила, как между его пальцев что-то мелькнуло.

12

Лист, исписанный какими-то символами. Бумажный амулет? Рассмотреть получше я не успела, потому что испещренный знаками клочок вдруг начал стремительно растворяться в воздухе, будто пожираемый незримым пламенем.

Парень вытянул руку перед собой в тот момент, когда между его пальцев рассеялись последние кусочки амулета. Воздух завибрировал. Кровь заледенела у меня в жилах. Я не увидела, но почувствовала, как под рукой брюнета загудел поток незримой энергии.

Сделав короткое, едва уловимое движение кистью, парень обрушил высвобожденную из амулета магию на своего противника. Тот только успел вырваться из незримых цепей и теперь снова оказался распластан по земле.

Пользуясь заминкой врага, брюнет в несколько шагов сократил разделявшее их расстояние, запрыгнул противнику на спину и заломил ему руки. Поверженный мужчина зашипел сквозь зубы и попытался скинуть соперника.

Я шумно вздохнула, не сумев совладать с эмоциями. Я была уверена, что до меня нарушителям порядка нет никакого дела, но, как оказалось, ошибалась.

— Чего застыла?! — рывкнул парень, пронзив меня стальным взглядом. — Беги!

Мои глаза в ужасе расширились, и в эти короткие мгновения лицо мага прочно осело в моей памяти. Разум еще не успел обдумать, глаза — рассмотреть, но сознание уже запечатлело все черты незнакомца.

Однако, несмотря на мое секундное замешательство, повторять приказ дважды ему не пришлось. Боль мигом испарилась, и я молниеносно вскочила на ноги. Я уже хотела отбросить злосчастный меч, но молодой чародей, словно прочитав мои мысли, выкрикнул:

— Возьми клинок! Я найду тебя!

Раздался почти утробный рык разъяренного мужчины, в человеческой сущности которого я стремительно начинала сомневаться. От этого звука по коже поползли морозные мурашки, а внутренности стянулись в тугий комок. Препираться не было ни желания, ни времени, и я мгновенно сорвалась с места.

Огни города смешались в размытое цветастое пятно. Шум улиц, далекую музыку и чужие голоса заглушали собственное тяжелое дыхание и стук обезумевшего сердца. Ноги несли все дальше от того места, где остались незнакомый чародей и его противник, у которого я, кажется, украла меч...

Меч!!!

Демоны, я и забыла, что несусь по улицам вооруженная! То-то от меня все шарахаются! Надо срочно что-то с этим делать. Если солдаты заметят меня, шныряющую по городу с оружием, — тут же увезут на долгие разборки. И плевать им, что драться на мечах не умею, да и клинок вовсе не мой. Хотя последний факт сыграет явно против меня...

Напуганная этими мыслями, я свернула в ближайший проулок, втиснулась в небольшое пространство между мусорными баками и тут же поморщилась — гнилостный запах окутал удушливым коконом, но я собрала волю в кулак и постаралась сосредоточиться.

Что там сказал тот парень? Бежать с мечом? Ха! Очень здорово и понятно, спасибо! Почему я вообще должна выполнять указания какого-то мага, тем самым навлекая на себя чужие беды? Очевидно же, что меч — то еще яблоко раздора, за которым охотятся и тот жуткий громила, и преследующий его чародей. Хотя есть у меня подозрение, что желающих завладеть клинком куда больше...

14 Все еще тяжело дыша после бега, я подозрительно покосилась на клинок, тонкая рукоять которого покоилась в моей ладони. Страх скрипучим голосом нашептывал идею бросить меч и бежать. И без того ведь проблем немало: нужно разбираться с жильем, работой, родителями, в конце концов! Не хватало еще подписаться на участие в чужих конфликтах!

Когда я уже собралась швырнуть оружие за баки, моя рука дрогнула, но тут же замерла. Странное чувство внутри не позволяло осуществить задуманное, но ни на голос совести, ни на шепот страха это похоже не было. Наоборот, я ощутила странную горечь, едва представив, что этот красивый, изящный клинок останется в гадком проулке, пропитанном зловонием мусора.

Я словно пыталась оторвать кусочек себя. Оставить меч было физически тяжело. Пока я мысленно прощалась с клинком, у меня даже пульс участился, а вдоль позвоночника скатилась холодная капелька пота.

Шумно выдохнув, я все-таки сдалась и отбросила мысли об избавлении от меча. С груди мгновенно словно спали тугие путы, легкие до предела заполнились холодным осенним воздухом. По телу прокатилась волна

облегчения. Я искренне не понимала: откуда взялся этот моральный барьер? Почему так сложно распрощаться с чужой вещью, которая мне не принесет ничего, кроме проблем?

Затолкав эти вопросы куда подальше в сознание, я сдернула с шеи длинный черный платок, который обычно использовала вместо шарфа. Кожу тут же ужалил холод, я поежилась, но от идеи не отказалась. Знаю, из тонкой полупрозрачной ткани футляр для оружия — так себе, но иных вариантов у меня нет. Либо обмотать клинок хоть чем-то, либо нестись по городу с мечом наперевес.

Сомневалась я недолго. Уверенно кивнула собственным мыслям и торопливо, морщась от боли в ушибленном плече, принялась «упаковывать» в ткань длинный, с мою вытянутую руку, меч. Занимаясь этим, я пыталась убедить себя, что ввязалась в очередную передрагу не потому, что мною движет какое-то странное, необъяснимое чувство притяжения, а потому что меч — это шанс заработать. Не зря же за ним гоняются? Вот и потребую с чародея плату за хранение, когда тот явится за своим сокровищем. А если не явится... продам!

Закончив с маскировкой оружия, я дала себе несколько секунд, чтобы отдышаться, и выскользнула из укрытия, стараясь двигаться быстро, но плавно и спокойно, чтобы не привлекать лишнего внимания. Однако план рухнул, когда вдалеке послышался резкий грохот. Силовой прием? Мне очень повезет, если его использовал тот парень, а не его соперник...

Сомнения прогрызали в сердце дыры, а интуиция вопила, умоляя бежать. Новый раскат магии, сопровождаемый испуганными воплями, прозвучал уже чуточку ближе и окончательно избавил меня от сомнений. Дальше медлить было нельзя.

— Стой! — где-то позади проревел голос преследователя.

Вопреки громогласному приказу я бросилась куда глаза глядят. Даже не стала тратить время на то, чтобы обернуться и проверить, где мой преследователь. Ответ и так был очевиден — слишком близко.

Стекла какого-то прилавка взорвались, когда я пробежала мимо. Осколки чудом не задели меня, но посеяли новую волну паники в толпе. Я расталкивала людей локтями, крепко прижимая к груди обернутый в ткань меч, старалась затеряться среди потока невольных свидетелей происходящего и хотя бы ненадолго слиться с окружающими. Враг ведь не настолько безумен и бесчеловечен, чтобы атаковать невинных людей?

16 Толпа значительно замедлила меня, но при этом все-таки дала небольшое преимущество. Чужая сила больше не сотрясала воздух, а выловить меня из обезумевшей человеческой массы — не такая уж простая задача. Однако я все равно постоянно оглядывалась, боясь увидеть за плечом перекошенное гневом лицо неведомого преследователя. Хотя, казалось бы, мой кошмар можно прекратить в мгновение ока. Достаточно просто отдать меч, избавиться от навязанной ноши...

Но я не могла. Все внутри противилось этой мысли и заставляло вновь ускорять шаг.

Мое напряжение усилилось во сто крат, когда совсем рядом стали звенеть команды и приказы солдат. Чеканные, короткие фразы хоть и адресовались не мне, но подгоняли незримым кнутом. Люди в темно-зеленой военной форме двигались в противоположную обезумевшей толпе сторону. Солдаты продирались сквозь людей с невозмутимыми строгими лицами. Они пытались сдержать обезумевшую человеческую волну, но сделать это сейчас было почти невозможно. Люди оказались слишком напуганы всполохами чужой силы, громкими взрывами и внезапной суетой, накрывшей оживленный проспект, который теперь превратился в сущий ад.

Мой взгляд метнулся к заметному свертку, в котором таился меч. Я судорожно сглотнула, быстро посмотрела в сторону приближающегося солдата и поежилась от страха. Демоны! А если он решит меня остановить?

Ноги по инерции продолжали нести вперед. Расстояние между мной и стражем быстро сокращалось, и я уже видела, каким цепким взглядом солдат осматривает каждого прохожего...

Я нервно оглянулась и, не заметив слежки, сделала выбор, на который еще минуту назад не решилась бы: в пару шагов перепорхнула из мощного многолюдного потока в другой, не такой плотный, который тянулся к метро.

Замкнутые пространства — не лучшее укрытие при чародейских потасовках. Там куда выше вероятность получить травму, да и спрятаться сложнее. Если мой преследователь заметит, куда я увильнула, все эти прелести мне придется испытать на собственной шкуре. Если, конечно, я вообще смогу войти...

Мои последние монетки, рассыпанные, остались валяться где-то на проспекте. Платить за вход нечем. Но я лучше обманом проскользну внутрь, чем добровольно подставляюсь солдатам и на блюдечке преподнесу им украденный меч. Тем более во всех пятнадцати государствах для клинков действует отдельный закон. Это единственный вид оружия, который нуждается в особой лицензии... которой у меня, разумеется, нет. У меня вообще никакой лицензии нет, я ведь не солдат и совсем не боец!

Но и вот так просто расстаться с мечом я тоже не могу. От одной мысли, что у меня его заберут, в глазах темнеет. Странно, но меня больше беспокоит не наказание за ношение незарегистрированного оружия, а его возможная утрата.

Больше ни капли не сомневаясь, я последний раз оглянулась и, не заметив преследования, нырнула за массивные двери.

Просторный холл станции встретил знакомым, едва уловимым запахом, присущим только метро — смесь сырости, пыли и машинного масла. Привычный аромат немного успокоил, я вдохнула полной грудью и внимательно осмотрелась.

Единственными источниками света были оранжевые бра. Они ютились над кассами, возле которых взволнованно переминались с ноги на ногу люди, стоящие в длинной очереди. Глядя на эту вереницу, я нервно сглотнула. В любой момент сюда могут ворваться мой безумный преследователь или солдаты, и оба варианта мне не нравятся. Стоять в очереди за жетоном входа — долго и бессмысленно. Мне нечем рассчитывать. Значит, нужно искать другой вариант...

Мой взгляд переметнулся туда, где между холлом и коридором, ведущим к спуску на станцию, сиял бледный защитный барьер. Как раз в этот момент к преграде подошел незнакомый мужчина и подбросил жетончик, который тут же растворился в воздухе. Сияющий полог развеялся, пропуская посетителя, и снова сомкнулся, едва человек пересек условную границу.

Я с тоской и тихой завистью проводила незнакомца взглядом, наблюдая за тем, как он исчезает в полумраке длинного коридора. Вот бы и мне как-то оказаться по ту сторону барьера...

Мои мысли прервал грохот массивных дверей, на который я испуганно обернулась и вздрогнула всем телом.

— Мисс, именем закона приказываю вам оставаться на месте! — отчеканил мужчина в темно-зеленой форме и пронзил меня испытующим взглядом.

Народ, стоящий у касс, мгновенно отхлынул от центральной части помещения. Теперь люди нервно кучковались у стен, перешептываясь и настороженно наблюдая за разворачивающейся сценой.

От страха ноги будто увязли в невидимом болоте. Широко раскрытыми глазами я смотрела на солдата, с ужасом понимая: в случае моего сопротивления он незамедлительно атакует. Между пальцев военного уже искрила сила, которую он был готов применить.

Сердце пропустило удар, когда я поняла, что сбежать не получится. Чародей явно сильнее меня, да и спорить с представителем закона — не лучшая идея. Солдат, видя, что я не собираюсь оказывать сопротивление, кажется, облегченно выдохнул и шагнул мне навстречу. В эти мгновения время словно замедлилось, а мысли, наоборот, ускорились.

Глас рассудка приказывал не двигаться, даже не пытаться обвести служителя закона вокруг пальца. Да, меня заберут на допрос. Ведь именно я оказалась в эпицентре зародившегося хаоса. Видела, как все началось, и даже невольно стала одним из главных участников беспорядка. Особых проблем к тому же добавит украденный меч, носить который не имею права.

Но я все равно ни в чем не виновата.

Потрепанные нервы — единственная плата, которую с меня возьмут за то, что оказалась не в то время не в том месте. Ну и меч, само собой, отнимут.

От этой мысли нутро сжалось в противоречивых чувствах. Я понимала, что меч — корень всех проблем, и не только моих. Но отдавать его никому не собиралась.

Я прижала к себе сверток с оружием. И сделала это с такой силой, что клинок наверняка должен был расцечь куртку и поранить ладони и грудь. Но я не чувствовала боли, лишь злость, что нарастала с каждым шагом военного.

20 Расстояние между нами сократилось до вытянутой руки, и отчаяние захлестнуло меня с головой. Каждый ускоренный удар сердца отмерял последние мгновения, когда я могла хоть как-то повлиять на ситуацию, но я понимала, что любое мое действие кончится поражением, и потому лишь глупо стояла, наблюдая за приближающимся мужчиной.

— Что у вас в платке? — пронизательно прищурился страж и протянул мне руку раскрытой ладонью вверх. — Дайте сюда.

Он выжидающе наблюдал за душевными метаниями, что отражались на моем побледневшем лице. Каждая секунда промедления заставляла взгляд служителя закона мрачнеть, его и без того тонкие губы вытянулись в бледную недовольную линию.

И вот, когда я думала, что солдат вырвет сверток у меня прямо из рук, входные двери снова громыхнули. Створки раскрылись с такой силой, что по дереву пошли трещины, в стороны посыпались щепки. Случайные свидетели, и без того напуганные, с визгом вжались в стены. Кто-то особо отчаянный бросился к бледно поблескивающему барьеру, отделяющему холл от подземного коридора.